

Кроме того, Вэй Чунжун был ещё и озорником, целыми днями то лазил по стенам, то взбирался на деревья — совсем усидчивым не был. Бродил он по парку Шанлинь, слуг с собой не любил брать, всегда бегал один, так что специально искать случая остаться в одиночестве не приходилось.

В парке Шанлинь водоёмов было много — больших и маленьких, с десяток, а то и больше. За двести с лишним лет существования утонуло там немало людей. Зимой холодно, края прудов скользкие, ребёнку оступиться и упасть в воду проще простого.

В тот день Вэй Чунжун, укутавшись в белую лисью мантию, в одиночку отправился к пруду Куньмин смотреть на воду. Смотрел и вспоминал: именно здесь он и подружился с Цзюнь Хуа.

В первый раз Цзюнь Хуа подошёл к Вэй Чунжуну со щенком на руках, а Вэй Чунжун его оттолкнул. Вэй Су тогда сильно рассердился и строго-настрого запретил им общаться. И только когда Вэй Ян взойшёл на трон, а Цзюнь Хуа стал его товарищем при обучении, они снова встретились, хотя близкими друзьями пока не стали.

Вэй Ян был ещё ребёнком, реальная власть находилась в руках других. Жить во дворце Цзычэнь ему не хотелось, поэтому он часто проводил время в парке Шанлинь. Вэй Чунжун и Цзюнь Хуа, естественно, следовали за ним.

Вэй Чунжун не знал, как именно Цзюнь Хуа оказался в воде, но, когда он проходил мимо пруда Куньмин, то увидел, как тот отчаянно барахтается в воде, а вокруг ни души. Не раздумывая ни секунды, Вэй Чунжун сбросил одежду, прыгнул в воду, оглушил Цзюнь Хуа и вытащил его на берег.

Тогда Цзюнь Хуа уже был без сознания и не дышал сам. Вэй Чунжун давил ему на грудь, делал искусственное дыхание, возился долго, пока наконец не привёл в чувство.

А когда Цзюнь Хуа очнулся, он сразу же дал Вэй Чунжуну пощечину. Впрочем, удар был слабый, почти не больно. Потом он обнял Вэй Чунжуна и принялся плакать — так жалобно и обиженно.

Вэй Чунжун умел утешать? Никак. Обнимает Цзюнь Хуа и не знает, что сказать. Потом заметил, что тот весь ледяной, только тогда опомнился, отнёс промокшего малыша в покои, велел греть воду, купать и переодевать.

Несмотря на всё это, Цзюнь Хуа всё равно заболел. Три дня пролежал в жару, во сне кричал, умоляя на помощь: «Папа, спаси!», а проснётся — молчит и смотрит на Вэй Чунжуна мокрыми от слёз глазами, и у того сердце так и разжималось.

Вспомнив об этом, Вэй Чунжун твёрдо решил: когда Цзюнь Хуа родится, он обязательно научит его плавать. Тогда, если его снова бросят в воду, он сможет спастись и не будет барахтаться там впустую.

Ой, нет...

Правильнее сказать: он должен защитить Цзюнь Хуа и не дать, чтобы его снова бросили в воду. Ну а плавать научить всё равно надо — на всякий случай. Вэй Чунжун вовремя поправил свои мысли.

Всё решив, он собрался идти в другое место продолжить прогулку. В парке Шанлинь он жил не меньше, чем во дворце, а мест, где они бывали с Цзюнь Хуа, и вовсе не счесть. Сейчас он

решил разведать местность, чтобы потом привести сюда Цзюнь Хуа поиграть.

Хотя он и не был уверен, что события, увиденные в конце сна, произошли уже после его смерти, но зная характер Цзюнь Хуа, понимал: такой самоубийственный способ мести вполне в его духе, он на такое способен.

Выходит, должен он Цзюнь Хуа ещё больше. А главное — после его смерти нашёлся человек, готовый заплатить такую цену, чтобы отомстить за него. Вэй Чунжун чувствовал и горечь, и какую-то странную гордость. Может, он и не самый несчастный человек на свете.

Вэй Чунжун уже собирался повернуть и уйти от пруда Куньмин, как вдруг сзади его крепко обхватили руки, тут же someone закрыл ему глаза и зажал рот. Затем его подхватили и понесли.

Вэй Чунжун уже начал было сопротивляться, как вдруг сзади послышался голос, полный недоумения:

— Не понимаю, что задумал господин Су. Этот мальчишка ведь даже не в фаворе у Его Величества.

— Именно так, — поддакнул тот, кто шёл впереди. — Князь Цинь каждый день accompanies Его Величество, а этот даже лица Его Величества видит не бывает. Когда Его Величество оставляет князя Циня на трапезу, его даже не зовут, не то что чтобы одарить едой. Его словно не существует, тьфу...

Руки и ноги Вэй Чунжуна крепко держали. Если бы он захотел, то, наверное, смог бы вырваться, но, услышав разговор двух евнухов, мысли в голове закружились быстро, и он решил пока не пытаться бежать.

Господин Су — это, должно быть, Су Вэнь. Когда же он успел ему помешать, что тот так быстро решил действовать? А эти двое, исполнители, уже, видимо, считают его мёртвым, раз говорят всё подряд, не боясь, что он сбежит и выдаст их...

И правда, евнух сзади продолжил:

— Давай побыстрее, найдём укромный уголок, бросим туда этого человека — и дела с концом.

Сказав это, они ускорили шаг.

Шли они, петляя, выбирая дороги, где их никто не увидит, и скоро оказались за искусственной горой. Остановились, и один вздохнул:

— Этот мальчишка тяжёлый какой-то, просто сил нет.

— Меньше слов, — поспешил другой. — Быстрее бросай его. Здесь глухо, даже если он закричит, никто не услышит.

С этими словами они вместе швырнули Вэй Чунжуна в сторону.

Раздался громкий всплеск — «дон!», — белая фигура рухнула в пруд Куньмин, взметнув брызги во все стороны. С берега было видно только белое пятно, то погружающееся, то всплывающее. Один из евнухов с беспокойством спросил:

— Мы же его не связали и камней к ногам не привязали. Вдруг он не утонет?

Другой стукнул его по голове и пропищал:

— Ты, болван, именно потому и нельзя оставлять следов, чтобы это выглядело как случайное падение. А свяжешь да камней привяжешь — как же тогда князь Цинь улики искать будет?

Тот, что оговорился, закивал, показывая, что понял. Император внука не жаловал, зато князь Цинь сына очень любил. Если бы они оставили явные следы, то не прошли бы мимо гнева этого своенравного князя. Хорошо ещё, сын его непослушный, любит в одиночестве бегать, а то им бы так просто не справиться.

Вскоре на воде осталось плавать только белое лисье одеяло, а Вэй Чунжуна и след простыл. Два евнуха, увидев, что дело сделано, тихонько ушли — докладывать Су Вэню.

Только они свернули за угол, Вэй Чунжун тут же выбрался на берег. Он был мокрый насквозь, личико покраснело от холода, но в руке он держал дворцовый пропуск — в ту секунду, когда его бросали, он успел вырвать его у того евнуха, который держал его руки.

Вэй Чунжун ещё больше изорвал свою мокрую одежду, похлопал по лицу, настраиваясь на нужный лад, и побежал со слезами на глазах ко дворцу Линьгуан. Дорогу он знал, бежал короткими путями, так что меньше чем за время сгорания одной благовонной палочки добрался до места.

Вэй Чжао позавтракал и ушёл во дворец Линьгуан, значит, он там и сейчас. Вэй Чунжун, не доложив о себе, с криками «Папа, спаси!» рванул было внутрь, что поставило стражу у ворот в тупик.

В обычное время они бы ни за что не пропустили Вэй Чунжуна без доклада, но этот маленький господин выглядел настолько жалким, а плакал так громко и жалобно, что, не пусти его, князь Цинь, узнав об этом, спросил бы с них по всей строгости. Поэтому они лишь для вида попытались его остановить и в итоге пропустили, так что Вэй Чунжун беспрепятственно влетел во дворец Линьгуан.

В этот день Вэй Су не обсуждал с Вэй Чжао военные дела, а сидели они в тёплом павильоне, играли в шахматы и беседовали о семейном. Император был уже в годах, с одной стороны, опасался, что сыновья будут отнимать у него власть, с другой — жаждал душевного тепла. Возвращение Вэй Чжао очень сильно удовлетворило эту его потребность.

Они как раз вспоминали забавные истории из детства Вэй Чжао и Цзюнь Цина, когда снаружи раздался громкий, невозможно не заметить, крик Вэй Чунжуна.

Вэй Су нахмурил брови и недовольно произнёс:

— Посмотри на сына, которого ты воспитал — совсем никаких правил не знает. — Про историю с лошастью в тот день он решил не вспоминать, но сегодня, во дворце, тот опять шумит, просто непотребство какое-то.

Вэй Чжао же вдруг резко встал, нахмурился и посмотрел в сторону входа:

— Отец, Жун плачет. Он не из тех, кто плачет просто так. Видимо, что-то случилось. Я должен пойти посмотреть... — Его силы были велики, слух и зрение обострены, поэтому он слышал гораздо отчётливее Вэй Су.

Шаги и крики приближались, и Вэй Чжао больше не смог усидеть на месте, развернулся и

выбежал наружу, оставив императора смотреть ему вслед с широко распахнутыми от изумления глазами.

— Папа, спаси! Кто-то хочет меня убить! Папа, спаси меня, у-у-у... — Чтобы окончательно разжечь в Вэй Чжао желание защитить его, Вэй Чунжун решил отбросить всю гордость и стыд — и внутренний, и внешний.

Увидев Вэй Чунжуна, Вэй Чжао оцепенел, но тут же спросил:

— Жун, что случилось? Кто хочет тебя убить? Говори понятнее!

Посреди зимы его сын был одет только в промокшую насквозь тонкую одежду, личико и ручки покраснели от холода, а в волосах висели сосульки. Кто бы это ни был, так поступивший, если Вэй Чжао его узнает, то уничтожит весь его род — и это ещё будет считаться лёгким наказанием.

<http://bllate.org/book/16486/1498232>